

Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки^{1, 2}

М. Пиреш, Л. ду Насименту

Пиреш Маркош Кордейру – доктор экономической истории Университета Сан-Паулу (USP), профессор факультета философии и науки Государственного университета Сан-Паулу (UNESP); Бутанга, Сан-Паулу, Бразилия; E-mail: marcos.cordeiro@unesp.br.

Насименту ду Лукаш Гуальберту – магистрант в области социальных наук и международных отношений Государственного университета Сан-Паулу (UNESP), н.с. исследовательской группы по геополитике, региональной интеграции и мировой системе Федерального университета Рио-де-Жанейро (UFRJ); Бразилия, Рио-де-Жанейро, ул. Педро Кальмона, 550; E-mail: lucasgdn2@gmail.com

Избрание Дональда Трампа президентом США привело к изменению внешней политики США в отношении Латинской Америки, в частности, за счет введения новых санкций против кубинского правительства (начало новой холодной войны с островом) и попытки смены режима в Венесуэле и Никарагуа, чьи правительства рассматривались элитой Вашингтона как угроза. В сентябре 2018 г. во время выступления на открытии сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке Трамп вновь обратился к принципам Доктрины Монро, чтобы предотвратить иностранное вмешательство в дела западного полушария. Это был прямой намек на Китай и Россию. Такое изменение политики США в отношении Латинской Америки оказало большое влияние на китайско-латиноамериканские отношения, в которых политическое давление и агрессивная риторика направлены на ограничение китайского присутствия. Цель данной статьи – определить мотивы нового подхода США к отношениям с Латинской Америкой и его потенциал влияния на китайско-латиноамериканские отношения.

Ключевые слова: Доктрина Монро; Латинская Америка; отношения США и Латинской Америки; китайско-латиноамериканские отношения; торговая война между США и Китаем

Для цитирования: Пиреш М., Насименту Л. (2020) Доктрина Монро 2.0 и трехсторонние отношения США, Китая и Латинской Америки // Вестник международных организаций. Т. 15. № 3. С. 202–222 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08

Введение

18 ноября 2013 г. госсекретарь США Джон Керри, выступая в штаб-квартире Организации американских государств (ОАГ), объявил об окончании эпохи Доктрины Монро. Теоретически этим заявлением завершился 190-летний период, на протяжении которого правительство США занимало решительную позицию в отношении судеб стран Латинской Америки. В дальнейшем бывший президент Барак Обама в речи на откры-

¹ Статья поступила в редакцию в мае 2020 г.

² Перевод статьи М. Pires, L. Nascimento “The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. – China – Latin America Trilateral Relations” выполнен с согласия авторов С.А. Васильковским, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

тии 7-го саммита Америк 15 апреля 2015 г. объявил о начале новой эры в отношениях между США и Латинской Америкой, которая должна преодолеть идеологические барьеры прошлого и создать новый дух партнерства, основанный на взаимном интересе и уважении. Кроме того, впервые после возобновления дипломатических отношений с Вашингтоном участие в ней приняли кубинские лидеры.

Избрание Дональда Трампа привело к изменению внешней политики в отношении Латинской Америки, в частности, за счет введения новых санкций против кубинского правительства (начало новой холодной войны с островом) и попыток смены режима в Венесуэле и Никарагуа, правительства которых рассматриваются политической элитой Вашингтона как угроза. Более того, 1 февраля 2018 г. занимавший пост государственного секретаря Трампа Рекс Тиллерсон в своем выступлении в Техасском университете напомнил Латинской Америке о Доктрине Монро, заявив что «Латинской Америке не нужны новые имперские державы, которые стремятся только к собственной выгоде». В сентябре 2018 г. во время выступления на открытии сессии Генеральной Ассамблеи ООН Дональд Трамп попытался вернуть Доктрину Монро в качестве основного принципа внешней политики США, тем самым предупредив вмешательство других государств как в сферу влияния Соединенных Штатов, так и во внутренние дела страны. По словам Трампа, «официальная политика нашей страны со времен президента Монро отвергала вмешательство иностранных государств в дела этого полушария» [Newman, 2019]. Это был прямой намек на Китай и Россию.

Изменение политики США в отношении Латинской Америки оказало большое влияние на китайско-латиноамериканские отношения. Так, политическое давление и агрессивная риторика Трампа были направлены на сдерживание присутствия Китая в регионе, в отличие от политики, принятой во время правлений Джорджа Буша и Барака Обамы, которые не считали, что участие Китая в экономической деятельности в регионе противоречит приоритетам США. Возрождение гегемонистского дискурса в духе холодной войны показывает озабоченность Вашингтона по поводу присутствия Китая в Латинской Америке. Кроме того, это привносит в дискурсивное поле обновленную Доктрину Монро 2.0, противоречащую интересам Китая и России в регионе.

Таким образом, авторы статьи, анализируя внешнеполитические дискурсы с помощью имеющихся в их распоряжении источников, пытаются определить мотивы нового подхода США к отношениям с Латинской Америкой, а также оценить влияние такой политики на китайско-латиноамериканские отношения. С этой целью мы постараемся (1) кратко обсудить обоснованность Доктрины Монро в исторических отношениях США с Латинской Америкой; (2) проследить эволюцию китайско-американской политики в отношении Латинской Америки; и (3) проанализировать контекст споров между Китаем, Россией и США в Латинской Америке на фоне политического, экономического и технологического кризиса в отношениях между державами.

Доктрина Монро и Латинская Америка

Доктрина Монро носит имя президента США Джеймса Монро, который в 1823 г. сформулировал главную концепцию внешней политики США в отношении новых независимых государств в латиноамериканской и португальской Америке для предотвращения возможных угроз их суверенитету со стороны европейских держав. Она основана на трех принципах: (1) разграничение сфер влияния между Америкой и Европой; (2) неколонизация уже независимых территорий; и (3) невмешательство европейских держав в американские дела [US Department of State, 2001]. Хотя в то время у правитель-

ства США не было силового ресурса для обеспечения этих принципов, оно полагалось на молчаливую поддержку Великобритании в обеспечении суверенитета стран американского континента.

Впоследствии, по мере развития США, степень их вмешательства в дела Латинской Америки значительно возросла, что позволило одержать победу над Мексикой в войне между странами в 1846–1848 гг. В начале XX в. началось «следствие Рузвельта», также известное как «политика большой дубинки», которое предусматривало использование силы для защиты интересов США в Латинской Америке, как это произошло на Кубе (1906–1910), в Никарагуа (1909–1911, 1912–1925 и 1926–1933), на Гаити (1915–1934) и в Доминиканской Республике (1916–1924). В дополнение к политике интервенций Соединенные Штаты использовали «долларовую дипломатию», которая, в свою очередь, была направлена на поддержку экспансии финансового капитала США в Латинскую Америку и установление отношений зависимости между регионом и США. Установление независимости Панамы и строительство там канала – показательный пример этой политики, равно как и многочисленные вооруженные интервенции в Центральной Америке. Согласно Бастосу, основной проблемой, связанной с вмешательством США, была постоянная необходимость использования вооруженных сил для сохранения фискально-финансового протектората [Bastos, 2015]. Вмешательства в таможенный контроль было недостаточно, необходимо было поддерживать политический порядок и извлекать излишки бюджета, чтобы кредиторы в США сохраняли свои деньги. Поэтому приходилось игнорировать все новые сферы иностранного суверенитета. Со временем возникла необходимость сдерживать националистические и революционные движения в Латинской Америке. Например, налоговое администрирование США в Доминиканской Республике в итоге привело к военной оккупации в 1916 г. То же верно в отношении Никарагуа в 1912 и 1927 гг. (против партизан Аугусто Сандино) и Гаити в 1917 г. [Ibid].

Последовавший за Первой мировой войной изоляционизм в сочетании с последствиями Великой депрессии заставил Соединенные Штаты отказаться от обширных интервенций. Однако появление на горизонте первых признаков новой войны повлекло нововведения в отношении Вашингтона к странам Латинской Америки. Так, политика «добрососедства» была направлена на стремление возглавить регион с целью противодействия продвижению европейского нацизма и фашизма и японского милитаризма. На смену традиционному применению силы и экономическому принуждению пришло более широкое сотрудничество, в результате чего Соединенные Штаты были готовы увеличить инвестиции, а также осуществить беспрецедентное культурное сближение, например, как производство голливудских фильмов, благоприятно изображающих Латинскую Америку. Эта культурная дипломатия была нацелена на поощрение панамериканизма [O'Neil, 2005, p. 202].

В эпоху холодной войны США стремились объединить страны Латинской Америки и Карибского бассейна посредством Межамериканского договора о взаимной помощи (Пакт Рио – TIAR) 1947 г., который обеспечил артикуляцию взаимной защиты западного полушария. Предполагалось, что агрессия вне полушарных держав (в данном случае Советского Союза и международного коммунистического движения) будет рассматриваться как нападение на все страны Латинской Америки. Несколько месяцев спустя, в апреле 1948 г., была создана Организация американских государств (ОАГ), главной задачей которой стала борьба с коммунизмом в регионе. С этого момента Соединенные Штаты снова заняли интервенционистскую позицию в организации сабо-

тажа работы правительств и в спонсировании государственных переворотов в различных странах.

Такие тенденции вышли на новый уровень с началом Кубинской революции, особенно после присоединения правительства Фиделя Кастро к Советскому блоку. Кубинская революция стала переломным моментом в американской политике в отношении Латинской Америки. В 1961 г. правительство Кеннеди, стремясь к новому типу отношений с Латинской Америкой, тайно спланировало неудавшуюся высадку в Заливе Свиней. Размышляя о вновь созданном 13 марта 1961 г. Альянсе за прогресс (APP), Кеннеди писал: «...следует создать полушарие, в котором все люди могут рассчитывать на достойную и свободную жизнь. <...> Для достижения этой цели стремление к политической свободе должно сопровождаться материальным прогрессом. Наш Альянс за прогресс – это союз свободных правительств, и он должен работать над устранением тирании в полушарии, в котором ему нет законного места» [Kennedy, 1961].

Альянс за прогресс оказался недолговечным и не имел ощутимого эффекта. Действия американской дипломатии с середины 1960-х годов заключались в поддержке правых военных переворотов с целью подавления националистических, а также социалистических движений: борьба против коммунизма и Советского Союза шла вразрез с демократизацией и правом граждан на бунт и самооборону, что было преобладающим дискурсом. Только в конце 1970-х, во время правления Джимми Картера, Соединенные Штаты заявили об отмене своей политики поддержки диктатур. Произошел поворот в сторону защиты прав человека и поддержки демократических преобразований в Южной Америке. Однако во время правления Рональда Рейгана борьба с марксистскими выступлениями в Центральной Америке усилилась, а нарушения прав человека стали вопиющими. Еще одной проблемой для США в этом десятилетии оказался кризис внешней задолженности, который негативно сказался на экономиках Латинской Америки и поставил под угрозу банковскую стабильность самих Соединенных Штатов [Volcker; Gyohten, 1993].

В 1990-е годы поддержка либеральной политики Вашингтонского консенсуса была приоритетом политики США в регионе. В качестве примера можно привести предложение Билла Клинтона о создании Американской зоны свободной торговли (ФТАА), созданной в Майами в декабре 1995 г. во время встречи на высшем уровне стран двух Америк. В 2000-х годах повесткой дня Государственного департамента США в отношении Латинской Америки была борьба с незаконным оборотом наркотиков и, в меньшей степени, с нелегальной иммиграцией. Фактически после терактов 11 сентября 2001 г. Международный терроризм и войны на Ближнем Востоке отвлекли внимание Вашингтона от региона. Проект ФТАА был похоронен в 2005 г. на 4-м Саммите Америк, состоявшемся в Мар-дель-Плата (Аргентина).

Эфемерные изменения в Доктрине Монро произошли во времена второй администрации Барака Обамы, когда она возобновила дипломатические отношения с Кубой и пообещала справедливые отношения между США и странами региона. Как уже отмечалось ранее, это произошло в 2013 г., когда Джон Керри объявил об окончании 190-летнего периода существования Доктрины. Однако приход к власти Дональда Трампа вернул интервенционистские принципы во внешнеполитическую повестку Вашингтона, а вместе с ними вернулись и дестабилизация правительств, которые считались враждебными Вашингтону, и попытка заблокировать действия стран, считающихся стратегическими конкурентами, таких как Россия и Китай.

Латинская Америка как объект китайско-американской политики

Китайско-латиноамериканские отношения стали особенно интенсивными с начала 2000-х годов. Этому способствовало вступление КНР в ВТО в 2001 г., а также высокий спрос на продукты питания, минеральные и энергетические товары, последовавший за экспоненциальным экономическим ростом Китая. В период с 2000 по 2016 г. торговые потоки увеличились с 15 до 244 млрд долл. США, достигнув пика в 2014 г. (280 млрд долл. США). Сосредоточением роста стали шесть стран: Бразилия, Мексика, Аргентина, Чили, Перу и Колумбия. Кроме того, необходимо учитывать другие переменные, которые также объясняют интенсификацию отношений, например, увеличение финансовых концессий и прямых китайских инвестиций в регион, особенно в отрасли, связанные с нефтью, электроэнергией, агробизнесом и потребительскими товарами длительного пользования.

Помимо экономических аспектов, следует отметить интерес Китая к углублению политического взаимодействия с Латинской Америкой. Белая Книга политики Китая в отношении Латинской Америки и стран Карибского бассейна, вышедшая в ноябре 2016 г., усиливает положения аналогичного документа, опубликованного в 2008 г. В ней указаны конкретные векторы взаимодействия на политическом, экономическом, социальном и научно-техническом уровне.

Такая перспектива была изложена на Первой министерской встрече форума Китай – СЕЛАК (CELAC – Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна) в январе 2015 г., проведенной в Пекине в рамках «Совместного плана сотрудничества Китай – СЕЛАК на 2014–2019 гг.», концепция которого была определена по системе 1+3+6. Цифра «1» относится к самому плану сотрудничества, который определяет конкретные проекты на период 2015–2019 гг.; цифра «3» определяет три ключевые области сотрудничества – торговлю, инвестиции и финансы; цифра «6» – приоритеты в области энергетики и ресурсов, строительства инфраструктуры, сельского хозяйства, производства, научных и технологических инноваций и информационных технологий [Pires, 2019].

В целях дополнения инициатив по двустороннему сотрудничеству в Сантьяго (Чили) в январе 2018 г., во время второй встречи министров форума Китай – СЕЛАК, министр иностранных дел Китая Ван И призвал страны СЕЛАК присоединиться к инициативе «Один пояс, один путь», упомянув, что совместная работа дает больше возможностей для создания связей больших рынков и индустрий как на суше, так и на море [Xinhua, 2018].

Усиливающееся вовлечение Китая в дела Латинской Америки и стран Карибского бассейна вызвало обеспокоенность у США по поводу присутствия в регионе актора из другого полушария. Отношение американских дипломатов к этому вопросу изменилось, поскольку в период с 2005 по 2013 г. США не проявляли озабоченности в отношении увеличения китайского присутствия в Латинской Америке.

В то время Китай рассматривался как еще один участник процесса глобализации, возглавляемого США. Перенос промышленного производства в Азию, а точнее в Китай, был очень прибыльной стратегией, поскольку позволял использовать местные сравнительные преимущества для снижения затрат и повышения производительности. Как утверждает Сюзанна Бергер [Berger, 2005], процессы вытеснения производства и аутсорсинга, а также поиск более дешевой рабочей силы позволили сотрудничеству между крупными технологическими компаниями (Apple, например) и субподрядчика-

ми (Qualcomm, Foxconn, например) ускорить запуск новых продуктов (смартфонов). Фактически до 2015 г. китайские компании играли второстепенную роль в глобализации, концентрируясь на неинновационных процессах с низкой добавленной стоимостью. Но постепенно Китай стал конкурентом западных компаний в различных отраслях, таких, например, как высокотехнологичные потребительские товары.

Таким образом, китайское присутствие в Латинской Америке вписывалось в структуру экономики Соединенных Штатов: китайцы покупали в регионе сырье, необходимое для промышленного производства, и вместе с тем производили дешевые потребительские товары, которые гарантировали удовлетворенность потребителей и прибыль от производства компаний США. Проблема такой схемы заключается в ее статичности, поскольку она не учитывает возможность того, что китайцы овладели передовыми технологиями и создали свои глобальные компании для конкуренции на международном рынке.

Мы можем это утверждать на основании заявлений официальных лиц США. Рассмотрим, к примеру, заявление трех заместителей государственного секретаря по делам западного полушария: Томаса Шеннона, Артуро Валенсуэлы и Роберты Якобсон, которые вместе с китайскими дипломатами участвовали в субдиалоге по Латинской Америке в рамках американо-китайского стратегического и экономического диалога.

Так, в 2006 г., после встречи с тогдашним генеральным секретарем Руководящей группы по иностранным делам Дай Бинго и главой китайской дипломатии по Латинской Америке Цзэн Ганом, Томас Шеннон заявил, что США не рассматривают внезапный интерес Китая к региону как отрицательный фактор [China Gov.cn, 2006]. В то время, на фоне сильного китайского спроса на сырьевые товары, США воспринимали китайское присутствие как фактор стабильности, поскольку оно поддерживало некоторую слабость платежного баланса стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Аналогичным образом 19 августа 2010 г. заместитель министра Артуро Валенсуэла после участия в субдиалоге США и Китая по Латинской Америке под эгидой Третьего американо-китайского стратегического и экономического диалога заявил: «Мы не рассматриваем Китай как угрозу <...> на самом деле, мы видим, что Китай предлагает Латинской Америке гораздо больше возможностей для роста своей экономики, создания лучших рабочих мест, повышения уровня жизни <...> Нам всем выгодно стабильная и процветающая Латинская Америка, которая гораздо больше вовлечена в мировую торговлю» [China Daily, 2010].

В свою очередь Роберта Джейкобсон 13 ноября 2013 г. не рассматривала участие Китая в Латинской Америке как угрозу, и их присутствие в регионе не было игрой с нулевой суммой. Заместитель министра по делам западного полушария высказала такие соображения после сопредседательства шестого китайско-американского субдиалога по Латинской Америке. Кроме того, она добавила: «Мы видим растущее участие Китая в этом (западном) полушарии – как деловое, так инвестиционное – в позитивном ключе» [Ibid., 2013].

Как отмечалось ранее, разворот американской политики доброй воли в отношении Китая в Латинской Америке закончился на фоне сильного давления со стороны наиболее консервативных сил внутри США. Если бывший госсекретарь Рекс Тиллерсон считается «умеренным», то приход к власти бывшего директора ЦРУ Майка Помпео свидетельствует о более жесткой, если не агрессивной позиции правительства США в отношении китайского присутствия в регионе. Это вызывает беспокойство, учитывая контекст торговой войны, которая началась с протекционистских мер Дональда Трампа против Китая и других торговых партнеров.

Отношения между Китаем и США в Латинской Америке в контексте коммерческой и технологической войны

Обострение торговых и технологических споров между США и Китаем сильно повлияло на политические и торговые позиции латиноамериканских стран. Важно подчеркнуть, что пока Китай не достиг такого уровня развития и экономической мощи, который позволил конкурировать с США, он не рассматривался как серьезный конкурент в регионе. Однако достижения Китая в области финансов и технологий изменили ситуацию. Азиатская страна имеет большой диапазон возможностей, учитывая ее огромные валютные резервы (примерно 3 трлн долл. США); большой импортный потенциал, не уступающий по объему США; стратегии поддержки производственных инвестиций и инвестиций в инфраструктуру во всем мире в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (BRI); а в последнее время – технологические достижения в секторе информационных технологий, в частности создание конкурентной базы для Интернета 5G и систем искусственного интеллекта, которые также конкурируют с создаваемыми США.

Учитывая влияние этого спора на страны Латинской Америки, этот раздел разделен на две части: в первой анализируется контекст китайско-американских споров, во второй их влияние на латиноамериканское и карибское пространство.

Элементы глобальных проблем между США и Китаем

Отношение Соединенных Штатов к Китаю – от признания к конфронтации – начало меняться при администрации Барака Обамы, когда была создана концепция «азиатского разворота» для сдерживания растущего влияния Китая в регионе, которое началось в 2000-х. Об изменении политики США в отношении Азии объявила бывший госсекретарь Хиллари Клинтон в своем выступлении в Гавайском университете в 2011 г.: «В настоящее время нам нужна более динамичная и прочная транстихоокеанская система <...> Соединенные Штаты сыграли центральную роль в формировании современной архитектуры международных отношений через Атлантику. Сейчас мы делаем то же самое в Тихом океане... XXI век будет веком Америки в Тихом океане, периодом беспрецедентных достижений и партнерства в этом важном, динамичном и сложном регионе» [Clinton, 2011].

Кроме того, следует упомянуть провалившуюся инициативу Обамы – Транстихоокеанское партнерство (ТТП), которое стремилось создать зону свободной торговли в Тихоокеанском бассейне без присутствия Китая. В первые дни правления администрации Трампа ТТП перестало быть актуальным из-за ухода Вашингтона из проекта.

Фактически после инаугурации Дональда Трампа в январе 2017 г. произошла эскалация конфликта с Китаем – в политической, торговой, технологической и оборонной отраслях. Мы обозначим некоторые аспекты этих конфликтов.

Политика «одного Китая». Данный подход является краеугольным камнем дипломатии этой страны. После визита Ричарда Никсона в Китай США взяли на себя обязательство придерживаться этого принципа, изложенного в Шанхайском коммюнике 1972 г., в котором правительство США заняло следующую позицию: «Соединенные Штаты признают, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива утверждают, что существует только один Китай и что Тайвань является частью Китая. Правительство США не оспаривает эту позицию. Оно подтверждает свою заинтересованность в мирном урегулировании тайваньского вопроса самими китайцами» [The Joint U.S. – China Communique, Shanghai, 1972].

Тем не менее еще до своей инаугурации в декабре 2016 г. Дональд Трамп поддерживал телефонные контакты с лидером Тайваньской администрации Цай Инвэнем. В результате Пекин воспринял эти действия как нарушение политики «одного Китая» и провокацию. Недовольство Китая усугублялось продажей оружия Тайваню и постоянными визитами американских военных кораблей на остров. Кроме того, открытая поддержка США демонстраций независимости в Гонконге в 2014 и 2019 гг. также нарушала политику «одного Китая».

Торговая война. В марте 2018 г. правительство Трампа ввело пошлины на сталь и алюминий для нескольких стран, включая Китай. В апреле 2018 г. Пекин принял ответные меры против импорта США и инициировал цикл ответных мер, которые остаются в силе по сей день. Учитывая сложность ситуации, эта тема заслуживает отдельного обсуждения.

Технологическая война. В апреле 2018 г. Министерство торговли США объявило о запрете экспорта в США для китайской компании по производству смартфонов ZTE. Эта санкция была снята в июле 2018 г. после выплаты компанией штрафа в размере 1,4 млрд долл. Министерству юстиции США. В декабре 2018 г. Мэн Ваньчжоу, финансовый директор Huawei, был арестован в Ванкувере по запросу Министерства юстиции США и обвинен в нарушении санкции против Ирана. В мае 2019 г. Трамп издал распоряжение о запрете ввоза продукции Huawei в США, а также запретил экспорт компонентов для компании. В июле 2019 г. Трамп снял санкции с Huawei после встречи с Си Цзиньпином во время саммита «Группы двадцати». Однако торговые переговоры между странами до сих пор продолжаются.

Этот вопрос остается напряженным не только из-за давления со стороны властей США с целью воспрепятствовать использованию сторонних технологий Huawei в Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии, но также из-за ограничений, наложенных на компанию. Например, 2 октября 2019 г. для смартфона Huawei Mate 30 был отключен прямой доступ к магазину приложений Google Play, что затрудняло работу Gmail и Google-Maps [Cnet, 2019].

Инициатива «Один пояс, один путь» против BUILD Акта. В 2013 г. Китай выступил с инициативой «Один пояс, один путь» (BRI). Этот смелый экономический и геополитический проект направлен на расширение и укрепление регионального сотрудничества. Он имеет два маршрута: по суше и по морю. Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI в. Упор делался на взаимосвязанности и сотрудничестве, в первую очередь между странами Евразии, но позже сфера деятельности расширилась до Африки и Латинской Америки за счет строительства базовой инфраструктуры. Для поддержки финансирования данной инициативы правительство Китая сформировало в 2014 г. Фонд Шелкового пути с инвестиционным потенциалом около 40 млрд долл. США. Кроме того, КНР создала Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который призван дополнить Азиатский банк развития (АБР) в финансировании инфраструктурных проектов.

Вашингтон критиковал такие проекты, обвиняя их в том, что они являются «долговой ловушкой», поскольку ссуды бедным странам и странам с крупной задолженностью будут предоставляться без должных критериев и приведут к дефолту стран-получателей. На портале правительства США «Share America» размещена резкая критика BRI, история которой проиллюстрирована карикатурой, изображающей человека, держащего огромный груз с китайским флагом. Согласно представленной на портале информации, «страны начинают осознавать истинную цену легкого кредита и последствия попадания в долговую ловушку, когда страна-кредитор использует долг для получения стратегических активов, таких как порты или политическое влияние. Шри-Ланка предоставила

выручку от ключевого порта Китая на 99 лет, когда столкнулась с трудной ситуацией выплаты кредита» [Share America, 2019].

В августе 2018 г. двухпартийная сенатская комиссия даже направила письмо министру финансов Стивену Мнучину и госсекретарю Майку Помпео с требованием от правительства США и МВФ работать с развивающимися странами, предупредив о предполагаемых рисках, связанных с займами по инициативе «Один пояс, один путь». В документе сенаторы задают секретарям следующие вопросы: «Как вы планируете освещать вопрос об опасностях финансирования инфраструктуры Китая через BRI в МВФ? Считаете ли вы, что другие страны попросят помощи у МВФ из-за BRI? Какие страны? Как Соединенные Штаты, внесшие наибольший вклад в МВФ, могут использовать свое влияние, чтобы гарантировать, что условия финансовой помощи предотвратят продолжение текущих проектов BRI или начало новых проектов BRI? Как Соединенные Штаты могут сотрудничать с союзниками и партнерами, чтобы информировать страны о рисках, связанных с китайскими кредитами на инфраструктуру? Как Соединенные Штаты могут работать с союзниками и партнерами, чтобы представить развивающимся странам альтернативные инвестиции?» [Office of Chuck Grassley, 2018].

Следует отметить, что озабоченность США растущим влиянием Китая в мире заставляет элиту страны мистифицировать позицию по подводным камням собственных кредитов развивающимся странам. Например, внезапные изменения процентных ставок, произошедшие в 1979 и 1981 гг., вызвали экономический кризис и дефолт по долгам в Латинской Америке, поэтому «долговая ловушка» — это хорошо знакомая для стран этого региона ситуация. Кроме того, после реформы МВФ и Всемирного банка в начале 1980-х годов сократились ресурсы, выделяемые на строительство инфраструктуры: плотины гидроэлектростанций, порты, дороги, ирригационные проекты и т.д.

Для противостояния инициативе «Один пояс, один путь» США в октябре 2018 г. создали собственный фонд инвестиций в инфраструктуру: Американскую корпорацию финансирования международного развития. Механизм проектов содержится в Законе о лучшем использовании инвестиций, ведущих к развитию (Better Utilization of Investments Leading to Development Act, BUILD). Предполагается, что новый Фонд может предоставить развивающимся странам до 60 млрд долл. США в виде займов, координируя действия государства и частного сектора. При этом условия предоставления кредитов схожи с условиями Всемирного банка. Однако в таком случае развивающейся стране очень сложно получить от США более выгодные условия, чем те, которые предлагает Китай.

Противодействие США китайскому и российскому присутствию в Латинской Америке

Прежде всего важно подчеркнуть, что Китай рассматривается вашингтонской элитой как стратегический вызов. Об этом свидетельствует документ «Стратегия национальной обороны на 2018 год», в котором Китай и Россия названы главными противниками США. «Главный вызов процветанию и безопасности США — это возрождение долгосрочной стратегической конкуренции с ревизионистскими силами. Становится все более очевидным, что Китай и Россия хотят построить мир в соответствии со своей авторитарной моделью — получить право вето на экономические, дипломатические аспекты, а также на решения в области безопасности других стран [Department of Defense, 2018].

Данный вопрос нашел отражение и в академических дебатах в США, проводимых как в более либеральных центрах, таких как Институт Брукингса [Piccone, 2016], так и

в консервативных учреждениях, таких как Центр стратегических и международных исследований (CSIS). Старший юрист CSIS Роберт Эван Эллис выступает за выявление стратегических рисков китайского присутствия в Латинской Америке и за поощрение более решительной оборонительной позиции со стороны Соединенных Штатов. По мнению Эллиса [Ellis, 2019], стратегические потребности китайской экономики являются угрозой для Соединенных Штатов в политической, экономической и военной сфере, поскольку оспаривают международный институциональный порядок, созданный США. Стратегические цели Китая, как правило, бросают вызов доминирующим государствам и их экономическим интересам, поскольку КНР ориентирована на изменение международных институтов и отношений в сторону более благоприятных условий для Пекина.

Во внешней политике Китай выступает сторонником многополярности. Это проявляется в поддержке выживания популистских социалистических режимов, таких как Венесуэла, существование и позиции которых не позволяют США укрепить идеологический консенсус в регионе вокруг идеалов открытого рынка, западной демократии и универсальных прав человека [Ellis, 2019, p. 144–145].

Подобные споры о гегемонии, напоминающие холодную войну, и китайское присутствие в Латинской Америке вызывают озабоченность в Вашингтоне, возвращая в обиход Доктрину Монро 2.0, на этот раз направленную против интересов Китая и России в регионе. В этом смысле, хотя это и кажется анахронизмом, возобновление действия Межамериканского договора о взаимной помощи (TIAR на испанском и португальском языках) для урегулирования венесуэльского кризиса ведет к более активному участию США в делах региона, особенно на фоне китайского и российского вето на любые внешние вмешательства в дела Каракаса и их поддержке президента Николаса Мадуро [The Globe, 2019].

Российские интересы в Латинской Америке, особенно в Венесуэле, сосредоточены на геостратегических ресурсах и геополитических рычагах воздействия. С 2013 г. венесуэльская нефтяная государственная компания *Petróleos de Venezuela (PDVSA)* – основной оператор в стране, на долю которого приходится более 95% экспортных доходов Венесуэлы [Gupta, 2020], – финансируется за счет китайско-российских инвестиций под гарантию добычи ресурсов из пояса Ориноко. Российская государственная компания «Роснефть» за последнее десятилетие инвестировала более 13 млрд долл. США в нефтяные активы Венесуэлы, став основным трейдером венесуэльской нефти за рубежом.

Таким образом, поддержка Каракаса с российской точки зрения воспринимается как геополитическая возможность сбалансировать поддержку США Украины после крымского кризиса. В обоих случаях страны воспринимали действия друг друга как вмешательство в зону исключительного геополитического влияния. И Россия, и Венесуэла находятся под санкциями США и ищут альтернативные рынки и поддержку. Выходом в обоих случаях может стать усиление взаимодействия с Китаем [Negroponte, 2018]. Кроме того, в российско-венесуэльских отношениях присутствует военная составляющая. Москва оказывала техническую поддержку, а также обеспечивала присутствие военнослужащих. В последнее десятилетие Москва поставила Каракасу оружия на 4 млрд долл. США. Эти события подтверждают классификацию российско-венесуэльских отношений российскими официальными лицами как «стратегических»; первые после распада Советского Союза Россия смогла вмешаться в ситуацию в западном полушарии, чтобы поддержать союзника в борьбе против стратегий смены режима США (однако не совсем успешной) [Rouvinski, 2020, p. 4; Gupta, 2020].

В китайско-латиноамериканских отношениях мы можем выделить три очага трений между Китаем и США: 1) дипломатическое признание и политика «одного Китая»; 2) инициатива BRI; и 3) технологическая война вокруг принятия стандарта Интернета 5G.

Прежде всего следует упомянуть дипломатическую активность Китая, направленную на международную изоляцию правительства Тайваня. Так, в последние годы дипломатические отношения были установлены между Китайской Народной Республикой и Коста-Рикой, Панамой, Сальвадором и Доминиканской Республикой — странами, которые исторически были тесно связаны с интересами Вашингтона. При этом важно учитывать, что Пекин не проявлял особой активности во время правления партии Гоминьдана под руководством Ма Инцзю, поскольку отношения между странами складывались в более позитивном ключе. Однако после прихода к власти Цай Инвэнь из Независимой прогрессивно-демократической партии КНР предпринял дипломатическое наступление. Последний успех Пекина пришелся на сентябрь 2019 г., когда Соломоновы Острова разорвали отношения с Тайванем и установили отношения с Пекином.

Выражая недовольство выбором стран Латинской Америки, Госдепартамент США 7 сентября 2018 г. созвал послов из Сан-Сальвадора, Панамы и Санто-Доминго для консультаций. Несколькими днями ранее Сенат одобрил инициативу тайваньских союзников по международной защите и укреплению (Закон TAIPEI), продвигаемую сенаторами Марко Рубио, Кори Гарднер, Эдом Марки и Бобом Менендесом. Закон предусматривает, что Государственный департамент может приостанавливать помощь со стороны США любому правительству, переставшему признавать Тайвань [Rubio, 2018].

Как упоминалось ранее, участие латиноамериканских стран в инициативе «Один пояс, один путь» — еще один проблемный момент для США. Сайт ShareAmerica.gov подготовил и разместил на YouTube видеоролик под названием «Не попадайтесь в долговую ловушку». Речь в нем идет о ситуации в Эквадоре, который попал в долговую ловушку, заключив с китайскими компаниями контракты на строительство ГЭС Coca Codo-Sinclair в обмен на погашение кредита за счет продажи нефтяных баррелей, что лишило страну около 90% доходов после продажи сырой нефти за рубежом [Share America, 2019; Kraul, 2018].

Чтобы скомпрометировать растущие зарубежные инвестиции Китая, американские аналитики вновь и вновь используют термин «дипломатия долговых ловушек» как предостережение для развивающихся стран. Эта ловушка — один из инструментов внешней политики Китая, направленных на превращение развивающихся стран в зависимых партнеров, поскольку они получают ссуды, намного превышающие их платежеспособность [Lindberg, Lahiri, 2018]. Однако вряд ли стратегические интересы Китая состоят в том, что развивающиеся партнеры не смогут в итоге вернуть инвестиции. Сделки по займам под обеспечение ресурсов, часто классифицируемые китайскими конкурентами как «неустойчивые», ведут к финансовым затруднениям, а не к получению политических рычагов влияния для КНР [Ferchen, 2018].

Кроме того, поскольку инфраструктурные проекты и сотрудничество в области развития требуют политических связей для заключения экономических соглашений, специально создается определенный дискурс вокруг китайской инициативы «Один пояс, один путь». Это часть реакции США на постоянно растущее геополитическое влияние Китая в Латинской Америке. Мы уже упоминали ранее, что инициатива «Один пояс, один путь» воспринимается как проект, направленный на расширение «глобального господства» за счет зависимости и долга. Однако страны Латинской Америки в целом выиграли от более тесных связей с Пекином. Китай является первым или

вторым торговым партнером Бразилии, Чили, Перу, Аргентины и Уругвая. Фактически Бразилия, Чили, Коста-Рика, Перу и Венесуэла регистрируют положительное сальдо торгового баланса с Китаем [Cintra, Medeiros, 2015]. Поэтому, вместо того чтобы создать реальную альтернативу для развивающихся стран, используется агрессивный дискурс, цель которого — навязать представление о китайском финансировании развития как о «долговой паутине» [Brautigam, 2019, p. 4–5]. Недавно созданная Американская корпорация финансирования международного развития (DFC) стремится конкурировать с инициативой «Один пояс, один путь», но, как и другие американские агентства международного развития, она страдает от нехватки финансирования, поэтому носит скорее риторический характер [Belt & Road, 2020].

Несмотря на давление со стороны Вашингтона, 19 стран Латинской Америки уже подписали меморандум о взаимопонимании или соглашения о сотрудничестве с Китаем, чтобы присоединиться к инициативе «Один пояс, один путь». В последнее десятилетие Латинская Америка и Карибский бассейн были включены в нее как продолжение морского шелкового пути. Поворотным моментом для участия стран региона в инициативе «Один пояс, один путь» стал Министерский форум китайского сообщества латиноамериканских государств в Сантьяго в 2018 г., когда были подписаны специальные меморандумы [Strategic Comments, 2018]. Основная задача инициативы — создание инфраструктуры, в которой остро нуждаются страны Латинской Америки. Это способствует ее принятию. Транспортное сообщение — один из пяти основных приоритетов CELAC, поскольку логистические затраты составляют 18–35% от цен на продукцию государств региона. Однако для решения этой проблемы требуется китайское финансирование для «финансового выживания» нескольких инфраструктурных проектов, таких как аргентинский план Бельграно и Бразильско-перуанская трансокеанская железная дорога, связывающая Атлантический океан с Тихим [Amora, 2016; Malena, 2019].

Создавая многосторонние форумы в качестве площадки для переговоров, форум Китай — CELAC усиливает латиноамериканские рычаги воздействия с точки зрения достижения лучших условий в торговле между Китаем и странами региона, ведя переговоры как блок, а не на двусторонней основе. Такой подход укрепляет связи между развивающимися странами, а Китай, в свою очередь, выступает в качестве представителя развивающихся держав [Brito, 2018]. Бразилия, Аргентина, Мексика и Колумбия, несмотря на отсутствие подписанных соглашений, — основные получатели китайских инвестиций. В случае Бразилии стоит упомянуть строительство линии Белу-Монте, покупку нескольких электроэнергетических активов, таких как гидроэлектростанции CPFL и SEMIG, а также строительство нефтехимического комплекса Comperj в Итаборай (штат Рио-де-Жанейро). В табл. 1 показаны связи стран Латинской Америки и Карибского бассейна с инициативой «Один пояс, один путь».

Кроме того, еще одним спорным моментом является давление, которое оказывает правительство США, чтобы помешать странам Латинской Америки внедрять интернет-технологии 5G производства китайской компании Huawei. Наряду с инициативой «Один пояс, один путь», которая рассматривается как стремление Китая к экспорту избыточных производственных мощностей, споры о том, какая технология 5G будет принята странами Латинской Америки, являются главным источником конфликта между США и Китаем. Геополитические взгляды США и применение санкций — важная проблема для стран Латинской Америки, в то время как растущее присутствие Китая в регионе воспринимается как угроза [Montoya, Lemus, Kaltenecker, 2019, p. 6–7]. Дважды высокопоставленные официальные лица США оказывали давление на страны региона. В апреле 2019 г. во время визита в Чили госсекретарь Майк Помпео призвал страны Латинской Америки проявлять осторожность в отношениях с Китаем и Россией —

двумя странами, которые, по его словам, «расставляют ловушки», «игнорируют правила» и «сеют хаос». Ответ посла Китая в Сантьяго в интервью газете *La Tercera* был довольно резким. Сюй Бу заявил, что «исторически США относились к Латинской Америке как к “заднему двору”, часто используя военное вмешательство или санкции» [La Tercera, 2019]. Более того, США также призывали своих ближайших союзников запрещать китайские передовые технологии.

Таблица 1. Связи государств Латинской Америки и Карибского бассейна с инициативой «Один пояс, один путь»

Латиноамериканские страны, присоединившиеся к инициативе «Один пояс, один путь»	Страны Карибского бассейна, присоединившиеся к инициативе «Один пояс, один путь»	Неприсоединившиеся страны, получающие существенные инвестиции от Китая
Подписавшие меморандумы о взаимопонимании		Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика
Боливия, Чили, Коста-Рика, Панама, Перу, Уругвай, Венесуэла	Антигуа и Барбуда, Барбадос, Доминика, Гренада, Тринидад и Тобаго	
Подписавшие соглашения о сотрудничестве		
Куба, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор	Гайана, Ямайка, Суринам	

Источник: [Brink, 2019].

После установления новых норм, направленных на запрет доступа Huawei и ZTE на рынки США, Великобритания следовала тем же рекомендациям и планировала запретить все технологические комплекты 5G от Huawei к 2027 г. Несмотря на то что это приведет к задержке внедрения 5G более чем на два года, а также потребует дополнительных расходов в размере 2 млрд фунтов стерлингов, причины «национальной безопасности» оказались выше финансовых затрат [Shepardson, Bartz, 2018; Kelion, 2020].

В августе 2019 г. министр торговли США Уилбур Росс в интервью газете *Valor Economico* обратил внимание на важность интернет-сетей 5G и проблемы, связанные с выбором провайдера: «Технология 5G совсем другая. В 3G и 4G легко отделить основные, важные действия от второстепенных. В 5G это невозможно из-за особенностей программного обеспечения и физических систем. Это имеет последствия для безопасности. 5G гораздо более уязвима для вторжений, чем 3G или 4G. Представьте себе экономику, работающую без GPS, без телекоммуникаций; представьте себе крах Интернета вещей и искусственного интеллекта. Это серьезные соображения. Взаимосвязанность вещей во многих отношениях прекрасна. Но это также создает уязвимость. Потому что это означает, что ущерб, нанесенный кибер-вторжением, гораздо более обширен, чем это было при использовании менее сложных технологий. Поэтому мы настоятельно призываем все страны очень внимательно отнестись к вопросу, кто является поставщиком технологий, каковы последствия, как отношения с поставщиками могут негативно повлиять на страну – получателя технологий [Valor Economico, 2019].

Росс предупредил правительство Бразилии о последствиях внедрения интернет-технологий Huawei 5G, подчеркнув проблемы безопасности и специфику политической системы Китая, поскольку «китайская экономика сильно отличается от нашей. Вы должны знать, что в Китае есть закон, который требует, чтобы частные компании сотрудничали с военными и разведывательными службами, сохраняя уровень сотруд-

ничества в секрете. У нас в США его нет, в Бразилии его нет. Уже одно это показывает разницу в наших подходах» [Valor Económico, 2019].

Высказывание Уилбура Росса не было бы лишено смысла, если бы мир не имел доступа к информации, предоставленной Эдвардом Сноуденом. Однако наиболее информированные слои общества не только осведомлены об утрате конфиденциальности в электронных коммуникациях, но также осознают манипулятивную роль, которую играют крупные цифровые компании, контролирующие основные социальные сети. В ответ посол Китая в Бразилии Ян Ванмин в интервью той же газете опроверг его заявления, назвав их выдуманными и необоснованными: «Эти комментарии направлены на то, чтобы оклеветать китайские продукты, ссылаясь на угрозу безопасности, и подорвать нормальное торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и другими странами мира. Официальные лица США часто прибегают к политическим инструментам для вмешательства в экономическую деятельность, что нарушает международные нормы и подрывает справедливый и равноправный порядок мирового экономического сотрудничества» [Valor Económico, 2019a].

Отметим, что тон ответа китайских послов был более резким, чем обычно используемый в дипломатических дискуссиях, поскольку комментарии их американских коллег также были основаны на жесткой риторике, особенно при правопопулистском правительстве. Для администрации Трампа агрессивная, а иногда и оскорбительная риторика, особенно в адрес Китая, стала обычным явлением во внешней политике и дипломатических отношениях.

Заключение

К появлению в политике США Доктрины Монро 2.0 в отношении Латинской Америки следует относиться с должным скептицизмом, поскольку обстоятельств, которые обеспечивали ее эффективность в прошлом, особенно в период холодной войны, больше не существует. С одной стороны, у США нет прежнего влияния и мощи, поскольку большинство крупных международных проблем не могут быть решены в одностороннем порядке. С другой стороны, технологические и экономические достижения Китая превратили его в стойкого конкурента: он способен поддерживать рост производительности, создавать рабочие места и даже воплощать так называемую «американскую мечту». Однако это вовсе не означает, что любое государство может в настоящий момент бросить вызов США, поскольку в стране все еще есть сильная система инноваций, огромный военный потенциал и всемирно известная сеть мягкой силы.

Другой важный момент, который следует учитывать, заключается в том, что речь идет не о конкуренции двух антагонистических экономических моделей, как это было в период холодной войны. Соединенные Штаты и Китай неразрывно связаны и взаимозависимы в международных производственных, торговых и финансовых потоках. Администрация Трампа пытается заблокировать экономический и технологический подъем Китая, но создать вокруг него «санитарный кордон» невозможно, поскольку степень экономической интеграции делает такую задачу невыполнимой. Даже попытки США заблокировать китайские инициативы, такие как создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и «Один пояс, один путь», не нашли поддержки со стороны традиционных партнеров США – Германии, Франции и Великобритании. Нынешние же попытки оказать давление на союзные страны, чтобы они не включали интернет-технологии 5G в свои системы связи, имеют ограниченный эффект.

Наконец, когда речь идет о странах Латинской Америки и Карибского бассейна, трудно полностью адаптировать данный регион к интересам США, поскольку степень

взаимоотношений с Китаем достигла очень высокого уровня. Правительство Бразилии во время президентства Жаира Болсонару – хороший тому пример. Поддерживая открыто проамериканскую позицию и критикуя Китай во время избирательной кампании, Бразилия тем временем занимала нейтральную позицию в отношении китайско-американских споров. В этом смысле прагматизм, направленный на то, чтобы не ставить в неловкое положение главного торгового партнера страны, был важнее идеологических прорывов, которые все еще сохранялись в определенных государственных секторах, особенно в Министерстве иностранных дел. Эта логика справедлива для стран, правительства которых придерживаются правого политического спектра, таких как Чили, Аргентина, Перу и Колумбия. Из-за особенностей экспортных тарифов, основанных на сельскохозяйственных и минеральных товарах, США не смогут вытеснить китайский спрос, поскольку они во многих случаях конкурируют на международном рынке. Таким образом, перед лицом торговых и политических войн между двумя важными партнерами, здравый смысл подсказывает, что нейтралитет – лучший выход для стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Источники

Amora D. (2016) *Ferrovia Bioceânica, para ligar o Brasil ao Pacífico, é viável, diz estudo* [Bioceanic Railroad to Link Brazil to the Pacific Is Viable, Indicates Study] // *Folha de São Paulo*. 11 July. Режим доступа: <https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2016/07/1790571-ferrovia-bioceanica-para-ligar-o-brasil-ao-pacifico-e-viavel-indica-estudo.shtml> (дата обращения: 28.07.2020).

Bastos Pedro P.Z. (2015) *Da Diplomacia do Dólar à Diplomacia da Boa Vizinhança: continuidades e diferenças na política dos Estados Unidos para a América Latina (1898–1933)* [From Dollar Diplomacy to the Good Neighbour Diplomacy: Continuities and Difference in the United States' Policy Toward Latin America] // *Revista Nova Economia*. Vol. 25. No. 1. Режим доступа: <https://doi.org/10.1590/0103-6351/1358>.

Belt & Road News. (2020) *US Response to China's New Silk Road Will Be "Legacy of the Administration."* 12 January. Режим доступа: <https://www.beltandroad.news/2020/01/12/u-s-response-to-chinas-new-silk-road-will-be-legacy-of-the-administration/> (дата обращения: 28.07.2020).

Berger S. (2005) *How We Compete. What Companies Around the World Are Doing to Make It in Today's Global Economy*. Currency.

Brautigam D. (2019) *A Critical Look at Chinese "Debt-Trap Diplomacy": The Rise of a Meme* // *Area Development Policy*. Vol. 5. No. 1. P. 1–14. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1689828>.

Brito G. (2018) *La política exterior china y su proyección hacia América Latina y el Caribe en el siglo XXI: Imaginarios y representaciones geopolíticas* [China's Foreign Policy Toward Latin America and the Caribbean in the 21st Century: Imaginaries and Geopolitical Representations] // *Geopolítica(s): Revista de estudios sobre espacio y poder*. Vol. 9. No. 1. P. 63–85. Режим доступа: <https://doi.org/10.5209/GEOP.55556>.

China Daily. (2013) *China's Latin America Presence Not a Threat*. 13 November. Режим доступа: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-11/13/content_17103369.htm (дата обращения: 05.10.2019).

China. Gov.Cn. (2006) *China, US Hold Talks on Latin America*. Режим доступа: http://www.gov.cn/misc/2006-04/15/content_254755.htm (дата обращения: 05.10.2019).

Cintra M., Medeiros C. (2015) *Impacto da ascensão chinesa sobre os países latino-americanos* [Impact of the Chinese Rise on Latin American Countries] // *Revista de Economia Política*. Vol. 35. No 1. P. 28–42. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572015v35n01a02>.

Dabus A., Basu M., Yao L. (2019) *China's Belt and Road Reaches Latin America* // *Brink*. 27 May. Режим доступа: <https://www.brinknews.com/chinas-belt-and-road-reaches-latin-america/> (дата обращения: 06.10.2019).

Ellis R.E. (2019) *Understanding and Responding to Chinese Activities in Latin America and the Caribbean. China's Global Influence: Perspectives and Recommendations* / S.D. McDonald, M.C. Burgoyne (eds).

Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security. Режим доступа: https://apcss.org/wp-content/uploads/2019/09/CHINA_GLOBAL_INFLUENCE-final.pdf (дата обращения: 07.10.2019).

Ferchen M. (2018) China, Venezuela, and the Illusion of Debt-Trap Diplomacy. Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. Режим доступа: <https://carnegietsinghua.org/2018/08/16/china-venezuela-and-illusion-of-debt-trap-diplomacy-pub-77089> (дата обращения: 27.07.2020).

Graner F., Rittner D. (2019a) Embaixador chinês rebate secretário dos EUA sobre rede 5G no Brasil [Chinese Ambassador REfustes US Secretary Over 5G Network in Brazil] // Valor Econômico. 3 August. Режим доступа: <https://www.valor.com.br/brasil/6376483/embaixador-chines-rebate-secretario-dos-eua-sobre-rede-5g-no-brasil> (дата обращения: 02.09.2020).

Guerrero F. (2019) Xu Bu, Embajador de China en Chile: “El Sr. Mike Pompeo ha perdido la cabeza y ha llegado demasiado lejos” [Xu Bu, Chinese Ambassador to Chile: “Mr. Mike Pompeo Has Lost His Mind and Has Gone Too Far”] // La Tercera. 14 April. Режим доступа: <https://www.latercera.com/mundo/noticia/embajador-china-pompeo/613890/> (дата обращения: 01.10.2019).

Gupta P. (2020) Rosneft’s Exit and Russia’s Continued Role in Venezuela // Young Voices: Observer Research Foundation (ORF). 15 June. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/expert-speak/rosneft-exit-russia-continued-role-venezuela-67834/> (дата обращения: 27.07.2020).

Hartman L. (2019) The True Costs of Chinese Loans // Share America. 3 October. Режим доступа: <https://share.america.gov/true-costs-of-chinese-loans/> (дата обращения: 06.10.2019).

John F. Kennedy Presidential Library and Museum. (1961) Address by President John F. Kennedy at a White House Reception for Members of Congress and for The Diplomatic Corps of the Latin American Republics. 13 March. Режим доступа: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/latin-american-diplomats-washington-dc-19610313> (дата обращения: 01.10.2019).

Joint U.S. – China Communiqué. (1972) Shanghai. 27 February. Режим доступа: https://photos.state.gov/libraries/ait-taiwan/171414/ait-pages/shanghai_e.pdf (дата обращения: 05.10.2019).

Keane S. (2019) Huawei Mate 30 Phones Apparently Lose Backdoor Access to Google Apps: A Workaround for the Trump Ban Has Seemingly Been Eliminated // CNet. 2 October. Режим доступа: <https://www.cnet.com/news/huawei-mate-30-phones-apparently-lose-backdoor-access-to-google-apps/> (дата обращения: 06.10.2019).

Kelion L. (2020) Huawei 5G Kit Must Be Removed From UK by 2027 // BBC News. 14 July. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/technology-53403793> (дата обращения: 28.07.2020).

Kraul C. (2018) Ecuador Faces a Huge Budget Deficit Because of Loans It Received From China // Los Angeles Times. 10 December. Режим доступа: <https://www.latimes.com/world/la-fg-ecuador-loans-china-20181210-story.html> (дата обращения: 27.07.2020).

Lindberg K., Lahiri T. (2018) From Asia to Africa, China’s “Debt-Trap Diplomacy” Was Under Siege in 2018 // Quartz. 28 December. Режим доступа: <https://qz.com/1497584/how-chinas-debt-trap-diplomacy-came-under-siege-in-2018/> (дата обращения: 27.07.2020).

Malena J. (2019) Infrastructure Paves Way for BRI in Latin America // China Daily. 13 November. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-11/13/content_37522576.htm (дата обращения: 28.07.2020).

Montoya M., Lemus D., Kaltenecker E. (2019) The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America: The Cases of Brazil and Mexico // Latin American Journal of Trade Policy. Vol. 2. No 5. P. 6–21. Режим доступа: <https://doi.org/10.5354/0719-9368.2020.56349>.

Negroponte D.V. (2018) Russian Interests in Venezuela: A New Cold War? // Americas Quarterly. 19 June. Режим доступа: <https://www.americasquarterly.org/article/russian-interests-in-venezuela-a-new-cold-war/> (дата обращения: 27.07.2020).

Newman L. (2019) Trump Revives Monroe Doctrine as Warning to Russia and China // Al Jazeera. 19 June. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2019/06/trump-revives-monroe-doctrine-warning-china-russia-190619060326024.html> (accessed 31 July 2020).

Office of Chuck Grassley, United States Senator for Iowa. (2018) Grassley, Senators Express Concerns over China’s “Debt Trap” Diplomacy With Developing Countries. News Release. 10 August. Режим доступа:

<https://www.grassley.senate.gov/news/news-releases/grassley-senators-express-concerns-over-china-s-debt-trap-diplomacy-developing> (дата обращения: 06.10.2019).

Office of Marco Rubio, United States Senator for Florida. (2018) Rubio, Gardner, Colleagues Introduce Legislation Requiring U.S. Strategy to Help Strengthen Taiwan's Diplomatic Standing. 5 September. Режим доступа: <https://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/2018/9/rubio-gardner-colleagues-introduce-legislation-requiring-u-s-strategy-to-help-strengthen-taiwan-s-diplomatic-standing> (дата обращения: 06.10.2019).

O Globo. (2019) Brasil, Colômbia, EUA e mais 13 países ativam tratado de defesa contra Venezuela [Brazil, Colombia, the U.S and 13 Other Countries Activate Defence Treaty Against Venezuela]. 23 September. Режим доступа: <https://oglobo.globo.com/mundo/brasil-colombia-eua-mais-13-paises-ativam-tratado-de-defesa-contra-venezuela-23968868> (дата обращения: 07.10.2019).

O'Neil B. (2005) Carmen Miranda: The High Price of Fame and Bananas. *Latina Legacies: Identity, Biography, and Community* / V. Ruiz, V. Korrol (eds). Oxford University Press.

Piccone T. (2016) The Geopolitics of China's Rise in Latin America // *Geoeconomics and Global Issues Paper 2*. Foreign Policy/Bookings Institution. Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/11/the-geopolitics-of-chinas-rise-in-latin-america_ted-piccone.pdf (дата обращения: 06.10.2019).

Pires M.C. (2019) A Iniciativa Cinturão e Rota: suas derivações políticas, econômicas e culturais e seus vínculos com o futuro da América Latina [The Belt and Road Initiative: Its Political, Economic and Cultural Derivations and Their Links to the Future of Latin America] // *Revista Mundo e Desenvolvimento*. Vol. 1. No. 2. P. 81–102. Режим доступа: http://ieei.unesp.br/index.php/IEEI_MundoeDesenvolvimento/article/view/39 (дата обращения: 02.09.2020).

Rittner D. (2019) EUA dividiram informação reservada de 5G com Brasil [USA Shared 5G Proprietary Information With Brazil] // *Valor Econômico*. 2 August. Режим доступа: <https://www.valor.com.br/brasil/6374947/eua-dividiram-informacao-reservada-de-5g-com-brasil> (дата обращения: 02.09.2020).

Rouvinski V. (2020) Russia's Continuing Engagement With Venezuela in 2019 and Beyond: An Update. Woodrow Wilson International Center Latin American Program/Kennan Institute. Режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%E2%80%99s%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (дата обращения: 27.07.2020).

Share America. (2019) Don't Get Caught in the Debt Trap. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=WJtdNcnEoU (дата обращения: 06.10.2019).

Shepardson D., Bartz D. (2018) White House Mulls New Year Executive Order to Bar Huawei, ZTE Purchases // *Reuters*. 27 December. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-huawei-tech-exclusive/exclusive-white-house-mulls-new-year-executive-order-to-bar-huawei-zte-purchases-idUSKCN1O-Q09P> (дата обращения: 27.07.2020).

Strategic Comments. (2018) China's Belt and Road Initiative in Latin America and the Caribbean // *Strategic Comments*. Vol. 24. No. 10. P. viii–ix. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13567888.2018.1565141>.

U.S. Department of Defense. (2018) National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge (Summary Version). Режим доступа: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 01.10.2019).

U.S. Department of State. (2011) America's Pacific Century. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, East-West Center, Honolulu. 10 November. Режим доступа: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm> (дата обращения: 05.10.2019).

U.S. Department of State Archive. (2001) Monroe Doctrine, 1823. Режим доступа: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/time/jd/16321.htm> (дата обращения: 05.10.2019).

Volcker P., Gyohten T. (1993) A nova ordem econômica [The New Economic Order]. Porto Alegre: Ortiz.

Xinhua. (2018) 2nd Ministerial Meeting of China-CELAC Forum Opens Up New Cooperation Areas. 23 January. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/23/c_136918217.htm.

Zhang T. (2010) China "Not a Threat" in L. America // *China Daily*. 19 August. Режим доступа: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-08/19/content_11173376.htm (дата обращения: 05.10.2019).

The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. – China – Latin America Trilateral Relations

M.C. Pires, L.G. do Nascimento

Marcos Cordeiro Pires – PhD in Economic History from University of São Paulo (USP), Professor of the Faculty of Philosophy and Sciences of State University of São Paulo (UNESP); Butanta, São Paulo, Brazil; E-mail: marcos.cordeiro@unesp.br

Lucas Gualberto do Nascimento – Master Degree Candidate in Social Sciences, International Relations and Development, State University of São Paulo (UNESP), Research Fellow, Research Group on Geopolitics, Regional Integration, and World System, Federal University of Rio de Janeiro (UFRJ); 550 Pedro Calmon, Rio de Janeiro, Brazil; E-mail: lucasgdn2@gmail.com

Abstract

The election of Donald Trump caused a change in the direction of U.S. foreign policy for Latin America with the imposition of new sanctions on the Cuban government (starting a new cold war with the island) and the attempted regime changes in Venezuela and Nicaragua, whose governments are seen as a threat by Washington's elite. In September 2018, during a speech at the opening session of the United Nations General Assembly in New York, Donald Trump took up the principles of the Monroe Doctrine as formal a U.S. policy and rejected the alleged interference of foreign states in the western hemisphere and in the internal affairs of the United States – a direct allusion to China and Russia. This change in U.S. policy toward Latin America has had a great impact on Sino-Latin American relations in the context of political pressures and aggressive rhetoric seeking to curb the Chinese presence there. This article explores the motivation behind the new attitude of the United States in its relations with Latin America and how it impacts Sino-Latin American relations.

Key words: Monroe Doctrine; Latin America; US – Latin America relations; Sino-Latin America relations; US – China Trade War

For citation: Pires M., Nascimento L.G. (2020) The Monroe Doctrine 2.0 and U.S. – China-Latin America Trilateral Relations. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 3, pp. 202–222 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-08

References

Amora D. (2016) Ferrovia Bioceânica, para ligar o Brasil ao Pacífico, é viável, diz estudo [Bioceanic Railroad to Link Brazil to the Pacific Is Viable, Indicates Study]. *Folha de São Paulo*, 11 July. Available at: <https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2016/07/1790571-ferrovia-bioceanica-para-ligar-o-brasil-ao-pacifico-e-viavel-indica-estudo.shtml> (accessed 28 July 2020).

Bastos Pedro P.Z. (2015) Da Diplomacia do Dólar à Diplomacia da Boa Vizinhança: continuidades e diferenças na política dos Estados Unidos para a América Latina (1898–1933) [From Dollar Diplomacy to the Good Neighbour Diplomacy: Continuities and Difference in the United States' Policy Toward Latin America. *Revista Nova Economia*, vol. 25, no 1. Available at: <https://doi.org/10.1590/0103-6351/1358>.

Belt & Road News. (2020) *US Response to China's New Silk Road Will Be "Legacy of the Administration,"* 12 January. Available at: <https://www.beltandroad.news/2020/01/12/u-s-response-to-chinas-new-silk-road-will-be-legacy-of-the-administration/> (accessed 28 July 2020).

Berger S. (2005) *How We Compete. What Companies Around the World Are Doing to Make It in Today's Global Economy.* Currency.

Brautigam D. (2019) A Critical Look at Chinese “Debt-Trap Diplomacy:” The Rise of a Meme. *Area Development Policy*, vol. 5, no 1, pp. 1–14. Available at: <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1689828>.

- Brito G. (2018) La política exterior china y su proyección hacia América Latina y el Caribe en el siglo XXI: Imaginarios y representaciones geopolíticas [China's Foreign Policy Toward Latin America and the Caribbean in the 21st Century: Imaginaries and Geopolitical Representations]. *Geopolítica(s): Revista de estudios sobre espacio y poder*, vol. 9, no 1, pp. 63–85. Available at: <https://doi.org/10.5209/GEOP.55556>.
- China Daily. (2013) China's Latin America Presence Not a Threat. 13 November. Available at: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2013-11/13/content_17103369.htm (accessed 5 October 2019).
- China. Gov.Cn. (2006) China, US Hold Talks on Latin America. Available at: http://www.gov.cn/misc/2006-04/15/content_254755.htm (accessed 5 October 2019).
- Cintra M., Medeiros C. (2015) Impacto da ascensão chinesa sobre os países latino-americanos [Impact of the Chinese Rise on Latin American Countries]. *Revista de Economia Política*, vol. 35, no 1, pp. 28–42. Available at: <http://dx.doi.org/10.1590/0101-31572015v35n01a02>.
- Dabus A., Basu M., Yao L. (2019) China's Belt and Road Reaches Latin America. Brink, 27 May. Available at: <https://www.brinknews.com/chinas-belt-and-road-reaches-latin-america/> (accessed 6 October 2019).
- Ellis R.E. (2019) Understanding and Responding to Chinese Activities in Latin America and the Caribbean. *China's Global Influence: Perspectives and Recommendations* (S.D. McDonald, M.C. Burgoyne (eds)). Honolulu: Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security. Available at: https://apcss.org/wp-content/uploads/2019/09/CHINA_GLOBAL_INFLUENCE-final.pdf (accessed 7 October 2019).
- Ferchen M. (2018) China, Venezuela, and the Illusion of Debt-Trap Diplomacy. Carnegie-Tsinghua Center for Global Policy. Available at: <https://carnegietsinghua.org/2018/08/16/china-venezuela-and-illusion-of-debt-trap-diplomacy-pub-77089> (accessed 27 July 2020).
- Graner F., Rittner D. (2019a) Embaixador chinês rebate secretário dos EUA sobre rede 5G no Brasil [Chinese Ambassador REfutes US Secretary Over 5G Network in Brazil]. *Valor Econômico*, 3 August. Available at: <https://www.valor.com.br/brasil/6376483/embaixador-chines-rebate-secretario-dos-eua-sobre-rede-5g-no-brasil> (accessed 2 September 2020).
- Guerrero F. (2019) Xu Bu, Embajador de China en Chile: “El Sr. Mike Pompeo ha perdido la cabeza y ha llegeado demasiado lejos” [Xu Bu, Chinese Ambassador to Chile: “Mr. Mike Pompeo Has Lost His Mind and Has Gone Too Far”]. *La Tercera*, 14 April. Available at: <https://www.latercera.com/mundo/noticia/embajador-china-pompeo/613890/> (accessed 1 October 2019).
- Gupta P. (2020) Rosneft's Exit and Russia's Continued Role in Venezuela. Young Voices: Observer Research Foundation (ORF), 15 June. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/rosneft-exit-russia-continued-role-venezuela-67834/> (accessed 27 July 2020).
- Hartman L. (2019) The True Costs of Chinese Loans. *Share America*, 3 October. Available at: <https://share.america.gov/true-costs-of-chinese-loans/> (accessed 6 October 2019).
- John F. Kennedy Presidential Library and Museum (1961) Address by President John F. Kennedy at a White House Reception for Members of Congress and for The Diplomatic Corps of the Latin American Republics, 13 March. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/latin-american-diplomats-washington-dc-19610313> (accessed 1 October 2019).
- Joint U.S. – China Communiqué (1972) Shanghai, 27 February. Available at: https://photos.state.gov/libraries/ait-taiwan/171414/ait-pages/shanghai_e.pdf (accessed 5 October 2019).
- Keane S. (2019) Huawei Mate 30 Phones Apparently Lose Backdoor Access to Google Apps: A Workaround for the Trump Ban Has Seemingly Been Eliminated. CNet, 2 October. Available at: <https://www.cnet.com/news/huawei-mate-30-phones-apparently-lose-backdoor-access-to-google-apps/> (accessed 6 October 2019).
- Kelion L. (2020) Huawei 5G Kit Must Be Removed From UK by 2027. *BBC News*, 14 July. Available at: <https://www.bbc.com/news/technology-53403793> (accessed 28 July 2020).
- Kraul C. (2018) Ecuador Faces a Huge Budget Deficit Because of Loans It Received From China. *Los Angeles Times*, 10 December. Available at: <https://www.latimes.com/world/la-fg-ecuador-loans-china-20181210-story.html> (accessed 27 July 2020).
- Lindberg K., Lahiri T. (2018) From Asia to Africa, China's “Debt-Trap Diplomacy” Was Under Siege in 2018. *Quartz*, 28 December. Available at: <https://qz.com/1497584/how-chinas-debt-trap-diplomacy-came-under-siege-in-2018/> (accessed 27 July 2020).

Malena J. (2019) Infrastructure Paves Way for BRI in Latin America. *China Daily*, 13 November. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-11/13/content_37522576.htm (accessed 28 July 2020).

Montoya M., Lemus D., Kaltenecker E. (2019) The Geopolitical Factor of Belt and Road Initiative in Latin America: The Cases of Brazil and Mexico. *Latin American Journal of Trade Policy*, vol. 2, no 5, pp. 6–21. Available at: <https://doi.org/10.5354/0719-9368.2020.56349>.

Negroponte D.V. (2018) Russian Interests in Venezuela: A New Cold War? *Americas Quarterly*, 19 June. Available at: <https://www.americasquarterly.org/article/russian-interests-in-venezuela-a-new-cold-war/> (accessed 27 July 2020).

Newman L. (2019) Trump Revives Monroe Doctrine as Warning to Russia and China. *Al Jazeera*, 19 June. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2019/06/trump-revives-monroe-doctrine-warning-china-russia-190619060326024.html> (accessed 31 July 2020).

Office of Chuck Grassley, United States Senator for Iowa. (2018) Grassley, Senators Express Concerns over China’s “Debt Trap” Diplomacy With Developing Countries. News Release, 10 August. Available at: <https://www.grassley.senate.gov/news/news-releases/grassley-senators-express-concerns-over-china-s-debt-trap-diplomacy-developing> (accessed 6 October 2019).

Office of Marco Rubio, United States Senator for Florida. (2018) Rubio, Gardner, Colleagues Introduce Legislation Requiring U.S. Strategy to Help Strengthen Taiwan’s Diplomatic Standing. 5 September. Available at: <https://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/2018/9/rubio-gardner-colleagues-introduce-legislation-requiring-u-s-strategy-to-help-strengthen-taiwan-s-diplomatic-standing> (accessed 30 September 2019).

O Globo. (2019) Brasil, Colômbia, EUA e mais 13 países ativam tratado de defesa contra Venezuela [Brazil, Colombia, the U.S and 13 Other Countries Activate Defence Treaty Against Venezuela]. 23 September. Available at: <https://oglobo.globo.com/mundo/brasil-colombia-eua-mais-13-paises-ativam-tratado-de-defesa-contra-venezuela-23968868> (accessed 7 October 2019).

O’Neil B. (2005) Carmen Miranda: The High Price of Fame and Bananas. *Latina Legacies: Identity, Biography, and Community* (V. Ruiz, V. Korrol (eds)). Oxford University Press.

Piccone T. (2016) The Geopolitics of China’s Rise in Latin America. *Geoconomics and Global Issues Paper 2, Foreign Policy/Bookings Institution*. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/11/the-geopolitics-of-chinas-rise-in-latin-america_ted-piccone.pdf (accessed 6 October 2019).

Pires M. C. (2019) A Iniciativa Cinturão e Rota: suas derivações políticas, econômicas e culturais e seus vínculos com o futuro da América Latina [The Belt and Road Initiative: Its Political, Economic and Cultural Derivations and Their Links to the Future of Latin America]. *Revista Mundo e Desenvolvimento*, vol. 1, no 2, pp. 81–102. Available at: http://ieei.unesp.br/index.php/IEEI_MundoeDesenvolvimento/article/view/39 (accessed 2 September 2020).

Rittner D. (2019) EUA dividiram informação reservada de 5G com Brasil [USA Shared 5G Proprietary Information With Brazil]. *Valor Econômico*, 2 August. Available at: <https://www.valor.com.br/brasil/6374947/eua-dividiram-informacao-reservada-de-5g-com-brasil> (accessed 2 September 2020).

Rouvinski V. (2020) Russia’s Continuing Engagement With Venezuela in 2019 and Beyond: An Update. Woodrow Wilson International Center Latin American Program/Kennan Institute. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/Russia%E2%80%99s%20Continuing%20Engagement%20with%20Venezuela%20in%202019%20and%20Beyond%20-%20An%20Update.pdf> (accessed 27 July 2020).

Share America. (2019) Don’t Get Caught in the Debt Trap. Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=WJdtdNcnEoU (accessed 6 October 2019).

Shepardson D., Bartz D. (2018) White House Mulls New Year Executive Order to Bar Huawei, ZTE Purchases. *Reuters*, 27 December. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-huawei-tech-exclusive/exclusive-white-house-mulls-new-year-executive-order-to-bar-huawei-zte-purchases-idUSKCN1OQ09P> (accessed 27 July 2020).

Strategic Comments. (2018) China’s Belt and Road Initiative in Latin America and the Caribbean. *Strategic Comments*, vol. 24, no 10, pp. viii–ix. Available at: <https://doi.org/10.1080/13567888.2018.1565141>.

U.S. Department of Defense. (2018) *National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge (Summary Version)*. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 1 October 2019).

U.S. Department of State. (2011) America's Pacific Century. Remarks by Hillary Rodham Clinton, Secretary of State, East-West Center, Honolulu, 10 November. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/11/176999.htm> (accessed 5 October 2019).

U.S. Department of State Archive. (2001) *Monroe Doctrine*, 1823. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/time/jd/16321.htm> (accessed 5 October 2019).

Volcker P., Gyohten T. (1993) *A nova ordem econômica* [The New Economic Order]. Porto Alegre: Ortiz.

Xinhua. (2018) *2nd Ministerial Meeting of China – CELAC Forum Opens Up New Cooperation Areas*. 23 January. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/23/c_136918217.htm.

Zhang T. (2010) China "Not a Threat" in L. America. *China Daily*, 19 August. Available at: http://www.china-daily.com.cn/china/2010-08/19/content_11173376.htm (accessed 5 October 2019).